

Деревянная лестница была особенно крутой, и когда Сяо Жун поднималась с чемоданом, ей было немного тяжело.

Теперь, без чемодана, двум людям было тесно идти бок о бок.

— Что...

Человек рядом внезапно поцеловал её. Дверь была всего в шаге, но они уже упали на лестницу. Цзин Тяньюэ легла на Сяо Жун, раздвинув губы, которые всё ещё пахли сливой.

В одно мгновение в её рту раздался хлопающий звук, и сердце начало биться в унисон. Кто кого зажёг.

И кто-то сказал, как ты можешь так.

Этот взрывной звук проник в тело, кто-то с трудом схватил чьи-то волосы, дрожащее тело, молящее о пощаде.

И кто-то сказал, кто тебя так глубоко спрятал, я позабочусь о тебе.

Утром Сяо Жун проснулась первой. Кровать здесь была особенно мягкой, настолько, что она не могла привыкнуть.

Казалось, что она полностью утонула в ней. Когда она занималась с Цзин Тяньюэ ночью, ей казалось, что она катается по вате.

Она взглянула на телефон, было всего шесть утра.

Такая редкая возможность отдохнуть. Вечером Цзин Тяньюэ уедет, и неизвестно, когда они увидятся в следующий раз.

Вчера, в полусонном состоянии, она заговорила об этом, но Цзин Тяньюэ не придавала этому значения.

— Если захочешь меня, просто позвони, и я приеду к тебе.

Сяо Жун не ответила, думая, что это невозможно. Ведь это я тебя добивалась, так что это я должна приезжать к тебе.

Но на самом деле большую часть времени Цзин Тяньюэ сама приезжала к ней, иногда они случайно встречались на съёмках рекламы, иногда в одном рейсе, а после выхода из самолёта расставались.

Очень короткие встречи.

И очень долгие расставания.

Это было немного мучительно, но больше для Цзин Тяньюэ. Сяо Жун уже привыкла.

Она любила Цзин Тяньюэ слишком долго, с того момента, как восхищение превратилось в любовь, она уже привыкла к этой недосыгаемой тоске. Даже после того, как они стали парой, она продолжала чувствовать это.

Такие моменты казались украденными.

Она положила телефон и повернулась к Цзин Тяньюэ. Было чуть больше шести утра, за окном ещё не рассвело, шторы плохо задерживали свет, и в комнате было тускло.

Эти белые кружевные шторы, скатерть была такой же.

Цзин Тяньюэ спала крепко, с закрытыми глазами. Без макияжа она выглядела особенно нежно, совсем не так, как обычно, когда она была надменной.

Многие говорили, что она обладает яркой внешностью, но и так она была прекрасна.

Сяо Жун придвинулась ближе и продолжала смотреть на неё.

Вчера она целовала её лоб, брови, кончик носа, эти губы, полные и сочные, не такие, как у неё, тонкие и узкие.

Когда Цзин Тяньюэ захватила её губы, она пробормотала:

— Холодный любовник.

Сяо Жун улыбнулась:

— Я не любовник.

Цзин Тяньюэ укусила её:

— Тогда холодная хозяйка.

Сяо Жун:

— Я не холодная.

Цзин Тяньюэ дотронулась до её груди и вздохнула:

— Она такая тонкая.

Сяо Жун посмотрела на неё с укором. Она редко сердилась, даже притворялась редко, разве что во время съёмок, когда играла принцессу Аньхуа, с высокомерным взглядом, который фанаты превратили в гифки, добавив фильтры, и получилось ещё красивее.

Но это всё же была игра, роль есть роль.

За кадром Сяо Жун была как дерево, которому, возможно, нужен дождь, чтобы прорасти грибами.

Цзин Тяньюэ была довольна этой живостью, погладила её пару раз.

— Ничего, я с тобой.

Сяо Жун смотрела слишком внимательно, подошла слишком близко, её дыхание коснулось лица Цзин Тяньюэ, и та проснулась.

Цзин Тяньюэ приоткрыла глаза и сонно спросила:

— Что ты делаешь?

Сяо Жун улыбнулась:

— Я смотрю на тебя.

Цзин Тяньюэ протянула руку, обняла Сяо Жун, ноги обвили вокруг её тела.

— Ты не хочешь спать?

Сяо Жун:

— Ты хочешь спать.

Цзин Тяньюэ вздохнула:

— Молодость, конечно, я вчера устала, ухаживая за тобой...

Сяо Жун:

— Я же говорила, не надо так, я даже не знала, что взрывная карамель может...

Цзин Тяньюэ провела рукой по талии Сяо Жун под одеялом:

— Но тебе же понравилось.

Сяо Жун прикусила губу, схватила руку Цзин Тяньюэ.

— Но...

Цзин Тяньюэ вздохнула:

— Я так хочу спать, мне нужно ещё поспать, ты можешь ещё полежать со мной?

Она обняла её, прижалась, и Сяо Жун сказала:

— Хорошо.

Они спали с шести до восьми утра, Сяо Жун всё ещё не спала, она просто обнимала Цзин Тяньюэ, рассеянно думая.

Она думала о своём шоу, о контракте, о котором говорил Брат Ян, о бесконечном графике, о астрономической неустойке. Решение, которое она приняла, то, что она хотела вернуть у Синхая, требовало своей цены.

Она с детства знала, что ничего нельзя получить без усилий, иногда цена была в тысячу раз больше.

Человек, которого она держала в объятиях, вырос в роскоши, в профессиональном плане она не была избалованной, но в жизни она действительно была капризной. Такую мягкую кровать она называла «сойдёт», выбирала блюда, придиралась к каждой мелочи.

За то небольшое время, что они проводили вместе, Сяо Жун уже привыкла к придиристичности Цзин Тяньюэ.

Один заказ еды на вынос стоил больше, чем у других за два месяца, и это был заказ из какого-то ресторана высокого уровня, который даже чуть не упаковал столовые приборы.

Их отношения знали немногие, но в индустрии были те, кто знал, включая компанию.

Сяо Жун иногда сожалела, что у них нет слухов, но когда слышала, как коллеги шептались, что её содержат, она чувствовала...

Это было странно, но не слишком. Это было больше похоже на недоумение, что все не верят, что она встречается с Цзин Тяньюэ.

На самом деле, содержание — это тоже форма близких отношений, другой вид исполнения желаний.

В каком-то смысле можно сказать, что её содержат. Все эти топовые ресурсы, если бы не Цзин Тяньюэ, с её скоростью роста и способностями команды, были бы всё ещё в пределах досягаемости.

Как и когда она хотела подарить что-то Цзин Тяньюэ, сумки люксовых брендов в её частном доме занимали целую комнату, и даже Сяо Жун, которая считала, что уже многое видела, была ослеплена.

Она подумала: «Хорошо, что я не купила ту, у неё уже есть вся коллекция».

Позже она успокоилась, ведь у неё всё есть.

Тогда она подумала, что самое дорогое и ценное, что у неё есть, это она сама.

Она могла только продолжать работать, расширять себя в коммерческом плане, пока не вернёт то, что принадлежит им четырём.

Цзин Тяньюэ проснулась под пение птиц и увидела лицо Сяо Жун.

Она потянулась и ущипнула её за щёку:

— О чём ты так задумалась?

Сяо Жун схватила её руку:

— Думаю о своей карьере.

Цзин Тяньюэ засмеялась:

— Карьера? Я же говорила, приходи ко мне в компанию, тебе не о чем будет думать, я тебя продвину.

Руки Цзин Тяньюэ были ухожены, гладкие, без единой мозоли, Сяо Жун не хотела отпускать.

— Ты уже достаточно меня продвигаешь.

Сяо Жун поцеловала её руку:

— Твоя компания, первый артист, всегда должен начинать с нуля.

Цзин Тяньюэ позволила ей целовать, нежные прикосновения. Солнце взошло, шторы закрывали большую часть света, но в комнате стало светлее. Выражение лица Сяо Жун было преданным, как у прихожанина.

Это была редкая искренность, Цзин Тяньюэ не была камнем, она чувствовала чувства Сяо Жун, и именно потому, что они были безусловными и слишком хорошими, это позволяло ей требовать большего.

— Я уже не помню, сколько раз ты мне отказывала.

Голос Цзин Тяньюэ был слегка хриловатым, с утренней ленью, которая заставляла расслабиться.

Сяо Жун:

— Всего три раза.

Авторское примечание: Пожалуйста, представьте это в своём воображении, спасибо за сотрудничество!

Какие новинки чая с молоком вы можете порекомендовать? Спасибо.

<http://bllate.org/book/17670/1646950>